

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ШКОЛА

ОТ РЕДАКЦИИ

Статьями Р. А. Будагова и А. А. Реформатского редакция начинает обсуждение вопроса о характере курса «Введение в языкознание» и приглашает читателей высказаться по существу затронутой проблемы.

А. А. РЕФОРМАТСКИЙ

КУРС «ВВЕДЕНИЕ В ЯЗЫКОЗНАНИЕ» НА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТАХ УНИВЕРСИТЕТОВ И НА ЛИТЕРАТУРНЫХ ФАКУЛЬТЕТАХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

Среди всех лингвистических курсов данный курс является самым ответственным. Он начинается с 1 сентября на первом семестре первого курса, когда вузовский преподаватель встречается с только что кончившими школьниками и должен успешно совершить это «введение», о котором в свое время И. А. Бодуэн де Куртенэ говорил так:

«Мы не вводим слушателей или читателей в языковедение, но наоборот, вводим языковедение... в голову этих слушателей или читателей, мы его там насаждаем, там разводим»¹.

Курс «Введение в языкознание» должен быть основополагающим для всех последующих лингвистических дисциплин.

Переход из средней школы в высшую пока еще не одинаков для всех наук; если студент-математик, физик, химик получает в вузе углубление и развитие того, что в средней школе он изучал на уроках математики, физики, химии, то студенту-филологу предстоит во многом перестроиться.

Конечно, этот «разрыв» школьного и научного изучения языка отнюдь не следует преувеличивать, и везде, где можно, надо показывать их прямую преемственность. Но есть такие разделы курса, которых средняя школа пока вообще не касается, и здесь, пожалуй, преподавателю легче всего строить свой курс. Наибольшие затруднения в смысле «разрыва» представляет вопрос об отношении письма и языка (а тем самым и весь раздел фонетики), а также морфологический состав слова, которому уделяется очень много времени в школе, но, увы, в чисто буквенном плане (так, в *игра-ть* и *игра-ю* основа оказывается одной и той же, вследствие чего искажается вся система формобразования глагола).

От успеха курса «Введение в языкознание» зависит очень многое: внимательные слушатели его становятся активистами лингвистических кружков, участниками лингвистических экспедиций, из них зачастую определяется впоследствии ядро лингвистической аспирантуры.

¹ И. А. Бодуэн де Куртенэ, Введение в языковедение, 1913/14 уч. год, Петербург, стр. 3.

I

В системе лингвистических дисциплин курс «Введение в языкознание» предшествует, как правило, всем остальным курсам этого цикла², тем самым курс не только «вводит языковедение в головы слушателей», как говорил Бодуэн де Куртене, но и вводит слушателей во все последующие лингвистические дисциплины, что очень важно и теоретически в смысле общего понимания всех частных вопросов этих дисциплин, и практически в смысле экономии времени при чтении этих отдельных дисциплин, так как уже не требуется каждый раз снова объяснять, что такое синонимика и омонимика, топонимика и ономастика, терминология и идиоматика; что такое взрывные и фрикативные согласные, что такое ассимиляции и диссимиляции, эпентезы и протезы, фонемы и их варьирование; что такое грамматические способы, значения, категории и формы.

Единственный курс, на который данное положение не распространяется — это курс «Общее языкознание», курс итоговый, на последнем году обучения. О нем следует сказать несколько слов. Естественно, что в 1950/51 уч. г. этот курс (на 20 часов) назывался «Сталинское учение о языке». Тогда необходимо было разъяснить студентам, которым до этого курс «Введение в языкознание» читался по Марру, основные положения сталинского учения о языке и показать с позиций этого учения весь вред «учения» Марра. Теперь, когда основы сталинского учения о языке стали неотъемлемой частью и программы и самого курса «Введение в языкознание», вопрос о курсе «Общее языкознание» должен быть поставлен иначе. Этот курс ни в коем случае нельзя делать кратким повторением того, что подробно было прочитано на I курсе. Курс «Общее языкознание» при всей своей «общности» с курсом «Введение в языкознание» должен быть специальным³ или во всяком случае выборочно углубленным: некоторые общие вопросы нужно дать уже почти на аспирантском уровне. Конечно, исходные положения любых тем будут те же, что и в курсе «Введение в языкознание».

II

Вопрос о программе курса «Введение в языкознание» теснейшим образом связан с архитектурой курса. В этом курсе есть вопросы более общего порядка (специфика языка как общественного явления, отношение языка к базису и надстройке; исторические закономерности развития языка; происхождение языка, связь истории языка с историей общества) и более специальные (структура языка и отдельные ее элементы: лексика, включая словарный состав и основной словарный фонд, фонетика, грамматика, включая морфологию и синтаксис; понятие системы языка и внутренних законов развития языка). Как строить курс: сначала излагать первый цикл вопросов, а затем второй, или наоборот? Существуют разные решения этого вопроса, что отражено и в программах и в имевшихся учебниках и руководствах.

Излагать все общие вопросы в начале курса, включая и происхождение языка, и историческое развитие разных сторон языка, и образование диалектов, и скрещивание языков в разные эпохи, и значение и разви-

² Единственное исключение представляет собой обычно курс «Старославянский язык», который идет параллельно на I и II семестрах, что естественно вызывает ненужные параллелизмы и повторения, неизбежные хотя бы в отношении разъяснения терминологии, особенно при несовпадении порядка разделов (что, как раз, обычно), и разъяснения эти тоже часто не совпадают.

³ Здесь я имею в виду педвузы, где спецкурсы по общему языкознанию не бывает.

тие сравнительно-исторического метода — до того, как студенты поймут, что такое язык и его структура, что такое лексика, фонетика, грамматика, — это значит обрушивать на сознание первокурсников водопад догматических истин и оглушать их массой непонятных терминов.

В самом деле, не разобравшись в том, чем же отличается лексика основного словарного фонда от лексики словарного состава вообще, нельзя понять лексических взаимодействий языков и, в частности, различить заимствования в лексике (хотя бы и очень интенсивные, как в русско-татарских отношениях) и настоящие скрещивания (как, например, в истории романизации туземных языков латинских провинций).

Без понятия звукового закона невозможно обоснование сравнительно-исторического метода в языкознании и его становления и развития; понятие же звукового закона возможно показать, только объяснив все основные понятия фонетики.

Как можно конкретно показать различия диалектов между собой, разъяснив при этом их принадлежность одному общенародному языку? Только приведя примеры из лексики, фонетики, грамматики.

Примеры можно умножить и далее, но, как будто бы, вопрос ясен.

Чтобы действительно помочь студентам овладеть принципами языковедческой науки и не заставлять их заучивать непонятные им формулы и определения, мы не должны идти этим путем.

Значит ли это, что по примеру некоторых старинных курсов можно начинать изложение, допустим, прямо с фонетики, а в конце курса дать наиболее общие положения, теоретические обобщения? Нет. Это было бы не меньшей ошибкой.

Правильное решение вопроса нам представляется в «рамочной конструкции» курса.

Под «рамочной конструкцией» я разумею такое расположение материала, когда общие вопросы открывают и замыкают курс, а специальные — находятся в середине.

Открывать курс можно и должно теми вопросами сталинского учения о языке, которые не требуют от студентов специальных лингвистических знаний. К таким вопросам относится разъяснение положения о том, что язык не принадлежит к явлениям природным, биологическим (и в частности расовым), а находится в области общественных явлений и это должно быть не декларировано, а показано, доказано и проиллюстрировано. После этого следует излагать основной тезис учения И. В. Сталина о языке как общественном явлении: об отношении языка к базису и надстройке, о том, что язык — не классовое явление (но что классы могут быть заинтересованы в особом использовании языка), что язык и культура — не одно и то же, а «национальный язык есть форма национальной культуры...»⁴

Наибольшие трудности в этом общем разделе вызывает, конечно, вопрос о языке и мышлении. Положение о том, что не только нет языка, если не существует мышления, но нет и мышления без наличия языка, можно убедительно раскрыть⁵, но отдельные элементы этого параграфа очень затрудняют, так как первокурсники зачастую наивно и прямолинейно думают, что любое слово (даже междометие, даже кличка собаки) выражает понятие, и любое предложение (например, вопросительное) выражает суждение.

Здесь особенно важно подчеркнуть мысль И. В. Сталина о том, что «язык обслуживает общество, как средство общения людей, как средство

⁴ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 21.

⁵ Хотя и тут есть свои трудности, для разработки которых очень хорошо привлекать материалы о так называемом «языке» животных, чтобы отчетливо показать, что язык — это язык слов, чего у животных нет и быть не может.

обмена мыслями в обществе, как средство, дающее людям возможность понять друг друга и наладить совместную работу во всех сферах человеческой деятельности, как в области производства, так и в области экономических отношений, как в области политики, так и в области культуры, как в общественной жизни, так и в быту»⁶.

III

Изложение разделов лексики, фонетики и грамматики необходимо предварить специальным разделом о системе языка и ее структурных элементах с разъяснением функций каждого элемента и их взаимосвязи в структуре.

В каком порядке излагать структурные элементы языка? Никто никогда не начинал с грамматики; это понятно. Но о первом месте фонетики и лексикологии идут многолетние споры.

На основании и опыта, и теоретических соображений я держусь первенства лексикологии. Аргументы здесь таковы. Наш язык — это прежде всего язык слов, а не язык звуков или язык форм. Конечно, нет слов вне звуков и вне форм, но и звуки, и формы мы изучаем в словах, а не сами по себе. Практически изучение неизвестного языка всегда начинается с усвоения словарного минимума.

Кроме того, «вводить языковедение в сознание слушателей» через лексикологию проще, удобнее и для студентов занимательнее.

Слово — самая конкретная единица языка⁷, и любой неграмотный человек ответит на вопрос: «Сколько я сказал слов?» Учесть формы и звуки — сложнее; это требует гораздо большей лингвистической абстракции и рефлексии.

Поэтому считаю лучшим такое расположение «внутренних разделов»: лексикология (семасиология) — фонетика — грамматика.

1

В лексикологии, прежде чем разъяснить, в чем отличие основного словарного фонда от словарного состава, необходимо проанализировать отношение слова к понятию и к называемой вещи. В разных словах эти две функции соотносятся по-разному. Так, в междометиях, в местоимениях, в собственных именах понятия устранены, но междометия лишены и номинативной функции, тогда как собственные имена «гипертрофированно» номинативны, — в этом единственный смысл их существования; номинативная функция местоимений подменяется функцией указательной, что составляет их специфику. Выражение понятий у знаменательных слов и числительных также не совпадает, так как это разного типа понятия. Особое положение занимают служебные слова, слова-морфемы, как их иногда называют, но все же слова.

Но есть и другая область лексикологии. Сюда относятся всякие лексические заимствования, в том числе и профессионализмы, диалектизмы, аргоизмы, кальки, словосочетания равные (или почти равные) слову. Отсюда уже один шаг к характеристике словарного состава языка, который необходимо осветить с разных сторон, не упуская из вида и стилистический аспект расслоения лексики, памятуя, что «словарный состав отражает картину состояния языка: чем богаче и разностороннее словарный состав, тем богаче и развитее язык»⁸.

⁶ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 36.

⁷ Я имею в виду здесь слово как лексикологическую и семасиологическую, а не лексему — как грамматическую единицу.

⁸ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 23.

При характеристике основного словарного фонда, указав, что это узкий круг внутри широкого словарного состава, характеризующийся всей устойчивостью во времени, общеупотребительностью и являющийся базой образования производных слов (это последнее в первую очередь относится к «ядру» основного словарного фонда — корневым словам), следует подчеркнуть, что слова основного словарного фонда стилистически нейтральны.

Когда и элементы лексики и ее целое усвоены, необходимо еще и еще раз напомнить, что нельзя путать словарь языка и сам язык.

2

При изложении раздела фонетики особенно следует подчеркнуть, что фонетика — это не «звуки» вообще, а звуковой строй языка. И. В. Сталин говорит: «Звуковой язык в истории человечества является одной из тех сил, которые помогли людям выделиться из животного мира, объединиться в общества, развить свое мышление...»⁹

Поэтому и сведения из акустики, и устройство речевого аппарата следует излагать именно под углом зрения классификации звуков речи, а не как самодовлеющие темы.

Очень важно при этом научить студентов наблюдать произношение как свое, так и чужое, объяснить им, какую роль при этом играет слуховое восприятие, мускульное чувство (осознать его — самое трудное!), как помогает зеркало и осязание и как надо все эти показания суммировать. Замечательным мастером таких «домашних экспериментов» был В. А. Богородицкий, отдельные фонетические труды которого всячески следует рекомендовать студентам. Ведь очень часто, закончив I курс, студенты попадают уже в диалектологические экспедиции, и тогда они с благодарностью вспомнят эти «домашние эксперименты». Считаю, что именно в интересах диалектологов не следует опускать так называемые «прочие фонетические процессы» (вставки, надставки, выкидки и т. п.).

В разделе фонетики очень большую роль играет личный показ преподавателя — это касается и произношения отдельных звуков и интонаций, и ударения, и всевозможных акцентов.

Самый трудный параграф этого раздела, — конечно, фонема и система фонем. Трудности здесь не только в том, что по поводу этой темы чрезвычайно много разноречивых и противоречивых рассуждений, но и в том, что опять приходится перед студентами ставить вопрос об абстрактной реальности, да еще на звуковой почве. Лучше всего здесь контролировать себя именно этой реальностью, не забывая, что фонемы служат для смысловоразличения, хотя собственного значения они не имеют, что не все звуковые свойства данного звука для этого нужны, а отбор их зависит от противопоставлений, так как каждая фонема — член системы фонем, что у каждого языка своя система фонем, и никаких «космополитических» фонем нет, — «одинаковые» физически в разных языках звуки различны как фонемы в зависимости от системы в целом, — что правильное решение фонематических вопросов служит предпосылкой для решения многих практических вопросов: орфоэпических, алфавитных, орфографических, транскрипционных и т. п.

3

Раздел грамматики нужно начинать с определения И. В. Сталина, чтобы подчеркнуть абстрагирующий и обобщающий ее характер: «...абстрагируясь от частного и конкретного, как в словах, так и в предложениях,

⁹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 46.

грамматика берет то общее, что лежит в основе изменений слов и сочетаний слов в предложениях, и строит из него грамматические правила, грамматические законы. Грамматика есть результат длительной, абстрагирующей работы человеческого мышления, показатель громадных успехов мышления»¹⁰.

Затем следует указать на очень важное сравнение грамматики с геометрией¹¹ и тут же показать, что «самой по себе» грамматики нет и быть не может, так же как нет и словаря вне грамматики и того и другого вне звукового строя языка.

«... Словарный состав языка получает величайшее значение, когда он поступает в распоряжение грамматики языка, которая определяет правила изменения слов, правила соединения слов в предложения и, таким образом, придает языку стройный, осмысленный характер»¹².

Нужно разъяснить основные понятия грамматики: грамматический способ, грамматическое значение, грамматическая категория, грамматическая форма. Следует всячески предупреждать студентов, что широко распространенное смешение грамматической формы и грамматического способа неправильно¹³, правда, нет единства в более углубленном понимании грамматической формы: (Ф. Ф. Фортунатов, В. В. Виноградов и др.).

Далее можно идти разными путями. Либо сразу разделить морфологический и синтаксический материал и следовать по категориям, либо первоначально дать более подробный обзор грамматических способов, а затем выбрать основные (или даже, может быть, наиболее показательные) морфологические категории и синтаксические единицы.

Второй путь, мне кажется, методически убедительнее. Если идти «от категорий», то очень легко примыслить в язык то, чего в нем на самом деле нет. Это печальной памяти путь «понятийных категорий»; если идти от грамматических способов, и, опознав наличие какого-либо из них, определить грамматическое значение (и тем самым и категорию), то примыслить уже ничего нельзя. Средняя школа как раз очень мало обращает внимания на двусторонность грамматической формы и удовлетворяется, если учащиеся «с налета» угадывают члены предложения, части речи, падежи и т. п.

И, наконец, количество категорий неисчислимо, а количество грамматических способов весьма ограничено и вполне обозримо.

На этом обзоре легко показать типы аффиксации, отличие внутренней флексии от иных чередований, показать всю сложность вопроса о словоизменении и словообразовании в связи с синтаксическими и несинтаксическими формами, с одной стороны, и с отношением словообразования к грамматике и лексике — с другой; находят свое место служебные слова, которые обычно «гуляют» между морфологией и синтаксисом; не разрываются повторы и сложения, ударение и интонация, что не всегда легко разделить; правда, как будто бы явно синтаксическая проблема порядка слов незаконно втягивается в данную линию, но зато она хорошо контрастирует с аффиксацией, и в итоге этого обзора легко изложить параграф об аналитических и синтетических тенденциях в грамматике.

Много споров всегда возникало о том, что и как говорить в курсе «Введение в языкознание» о морфологических категориях? Я думаю, что

¹⁰ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 24.

¹¹ См. там же.

¹² Там же, стр. 23.

¹³ См. соответствующее определение в «Толковом словаре русского языка» под ред. проф. Д. Н. Ушакова, в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова и в других популярных изданиях.

в данном курсе нужно ограничиться тем, что так или иначе, по-разному (что необходимо подчеркнуть) существует в каждом языке — это части речи и принципы их классификации; кроме того, учитывая объяснение предикации в синтаксисе, важно разъяснить категории времени и наклонения.

В синтаксисе главный упор, мне представляется, следует делать на коммуникативную функцию, предикацию, предложение, его элементы и типы и на различные средства связей между членами простого и сложного предложения.

IV

Итак, мы опять вступаем в «рамочную конструкцию», но существенное различие в том, что студенты уже знают, что такое лексика, фонетика и грамматика, и мы можем безбоязненно привлекать данные этих разделов.

1

В этом разделе прежде всего должны быть изложены общие положения И. В. Сталина о характере исторических изменений в языке. И. В. Сталин пишет: «Язык порожден не тем или иным базисом, старым или новым базисом, внутри данного общества, а всем ходом истории общества и истории базисов в течение веков. Он создан не одним каким-нибудь классом, а всем обществом, всеми классами общества, усилиями сотен поколений»¹⁴. «Марксизм не признает внезапных взрывов в развитии языка, внезапной смерти существующего языка и внезапного построения нового языка»¹⁵. «Марксизм считает, что переход языка от старого качества к новому происходит не путем взрыва, не путем уничтожения существующего языка и создания нового, а путем постепенного накопления элементов нового качества, следовательно, путем постепенного отмирания элементов старого качества»¹⁶. «...Развитие языка происходило не путем уничтожения существующего языка и построения нового, а путем развертывания и совершенствования основных элементов существующего языка»¹⁷. Из этих высказываний делается вывод о непрерывности и постепенности развития языка и об исторической преемственности языка в более позднюю эпоху по отношению к предыдущим.

Другая важная особенность языка — неравномерность развития отдельных элементов его структуры. И. В. Сталин пишет: «...словарный состав языка, как наиболее чувствительный к изменениям, находится в состоянии почти непрерывного изменения...»¹⁸. «Что же касается основного словарного фонда, то он сохраняется во всем основном и используется, как основа словарного состава языка»¹⁹. «Грамматический строй языка изменяется еще более медленно, чем его основной словарный фонд»²⁰. Фонетика в целом обладает также большой устойчивостью, в особенности система фонем, закрепляющаяся на века.

Далее необходимо остановиться на вопросе о роли внешних факторов и внутренних законов в развитии языка. И. В. Сталин пишет: «Вне общества нет языка. Поэтому язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей

¹⁴ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 7.

¹⁵ Там же, стр. 27—28.

¹⁶ Там же, стр. 28.

¹⁷ Там же, стр. 27.

¹⁸ Там же, стр. 24.

¹⁹ Там же, стр. 25.

²⁰ Там же, стр. 25.

общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка»²¹.

В другом месте И. В. Сталин говорит о факторах, которые влияли на развитие языка. Это — развитие производства, появление классов, появление письменности, зарождение государства, развитие торговли, упорядочение переписки в интересах управления и торговли, появление книгопечатания, развитие литературы²².

Н. Я. Марр и его «ученики» выдвигали главным и решающим фактором не только развития, но и образования новых языков — скрещивание языков.

И. В. Сталин разъяснил, что «скрещивание языков есть длительный процесс, продолжающийся сотни лет»²³, что «при скрещивании один из языков обычно выходит победителем, сохраняет свой грамматический строй, сохраняет свой основной словарный фонд и продолжает развиваться по внутренним законам своего развития...»²⁴

Еще резче это положение выражено в последнем абзаце данной главы труда И. В. Сталина: «Не может быть сомнения, что теория скрещивания не может дать чего-либо серьезного советскому языкознанию. Если верно, что главной задачей языкознания является изучение внутренних законов развития языка, то нужно признать, что теория скрещивания не только не решает этой задачи, но даже не ставит ее, — она просто не замечает, или не понимает ее»²⁵.

Говоря о внутренних законах развития языка, важно подчеркнуть, что они характеризуют не случайные и не единичные явления, которые происходят или произошли в данном языке, а явления закономерные, общие для фактов данного языка, относящиеся к системе данного языка. С этим связана и другая черта внутренних законов развития языка — это законы данного языка, характеризующие его специфические особенности, его самобытность. Внутренние законы развития языка — категория историческая, и в разные эпохи они могут быть разными.

Внутренние законы развития языка охватывают все элементы структуры языка: и грамматику, и фонетику, и лексику и могут изучаться, как в отношении к отдельному языку, так и в отношении к группе родственных языков, причем внутри группы каждый язык, сохраняя общее, отличается. Внутренние законы позволяют глубже понять многие вопросы из истории языков, например, взаимодействие языков.

В. В. Виноградов пишет: «Именно в них (во внутренних законах — А. Р.) проявляется национальная самобытность языка. Иноязычные, заимствованные слова преобразуются в своем звуковом облике, грамматической структуре и смысловом содержании по внутренним законам заимствовавшего их языка»²⁶.

2

Чтобы познакомить студентов с классификацией языков, необходимо предварительно изложить основы сравнительно-исторического метода. Усвоение этого раздела связано с большими трудностями: студенты обычно не знают языков, сама проблематика сложна, пособий по данному вопросу нет. А ведь надо объяснить, что и как сравнивать; почему стопроцент-

²¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 22.

²² См. там же, стр. 26—27.

²³ Там же, стр. 29.

²⁴ Там же, стр. 29—30.

²⁵ Там же, стр. 30.

²⁶ В. В. Виноградов, О трудах товарища Сталина по вопросам языкознания, изд. «Правда», 1951, стр. 68.

ные совпадения иной раз недоказательны; как отличить заимствование от параллельного развития; почему, например, трудно сопоставлять русский с английским, и какой путь может привести к правильному сопоставлению этих языков; и многое другое.

Охарактеризовав возникновение и развитие сравнительно-исторического метода, следует подчеркнуть, что первые труды в этой области разрабатывались независимо друг от друга. Главным отличием сравнительно-исторического метода в XIX в. от предшествующих эпох было то, что для сравнения брали не просто слова, но и грамматические категории с их материальным оформлением; это сразу исключало случайность. Необходимо остановиться на выборе самих сравниваемых слов; например, слово *фабрика* имеется в очень многих языках, но никакого вывода о родстве языков на этом основании сделать нельзя, тогда как слова, называющие имена родства, некоторые местоимения, числительные до десяти, наименования некоторых растений, животных, частей тела и т. п., — как раз представляют наилучший материал. Этому надо дать такое объяснение: родство языков — следствие их происхождения из одного языка-основы, который можно отнести к эпохе первобытно-общинного, родового строя, следовательно, и лексику следует выбирать свойственную той эпохе. Очень важно рассказать и показать, что такое звуковые соответствия родственных языков и как важен учет исторических звуковых законов каждого языка. Излагая метод реконструкции и установление архетипов, необходимо соблюдать правило «расширяющихся кругов», т. е., например, русские факты сопоставлять с украинскими, далее, восточнославянские — с инославянскими, славянские — с балтийскими, наконец, балтийско-славянские с обобщенными тем же методом фактами каких-либо иных групп индоевропейских языков. Существенно ознакомить студентов и с принципами абсолютной и относительной хронологии.

Обзор языков по схеме генеалогической классификации очень полезен, но пустой перечень без карты мало что дает, а детальный обзор по карте со всеми нужными лингвистическими, историческими, археологическими, этнографическими и иными справками занимает очень много времени. Поэтому объем изложения этого раздела всецело зависит от количества отведенных на него часов и общих знаний аудитории в области политической географии мира и ее истории.

3

Вопроса о происхождении языка я коснусь бегло: большая марксистская литература дает исчерпывающий материал. При изложении этой темы важно подчеркнуть связь вопроса о происхождении языка с общим вопросом о происхождении человека. Студенты должны хорошо изучить работу Энгельса «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» и труды И. В. Сталина, относящиеся к этой теме. Особое внимание студентов нужно обратить на то место в работе И. В. Сталина «Анархизм или социализм?», где говорится о прямой походке как предпосылке для расширения кругозора и развития органов речи, а в работе «Марксизм и вопросы языкознания» — на критику модной у марристов и многих буржуазных ученых теории речи жестов. И. В. Сталин пишет: «Звуковой язык или язык слов был всегда единственным языком человеческого общества, способным служить полноценным средством общения людей»²⁷.

²⁷ И. С т а л и н, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 46.

В последнем разделе надлежит осветить вопрос о развитии языков и диалектов в условиях различных общественных формаций, показать развитие «...от языков родовых к языкам племенным, от языков племенных к языкам народностей и от языков народностей к языкам национальным...»²⁸

В этом разделе материал естественно увеличивается с приближением к современности. Меньше всего мы знаем о языках родовых. И. В. Сталин пишет: «Надо полагать, что элементы современного языка были заложены еще в глубокой древности, до эпохи рабства. Это был язык не сложный с очень скудным словарным фондом, но со своим грамматическим строем, правда, примитивным, но все же грамматическим строем»²⁹. Лингвистические материалы, подводящие к этой эпохе, могут быть получены только путем реконструкций.

Языки племенные уже доступны непосредственному изучению как по памятникам письменности (например, греческие диалекты), так и по живому наблюдению (например, языки североамериканских индейцев)³⁰. В связи с разрастанием племен можно наблюдать диалектное дробление общеплеменного языка. Попутно можно дать разъяснение, в чем отличие местных диалектов от классовых жаргонов.

Здесь же мы считаем целесообразным остановиться на роли миграций и подробнее раскрыть основные положения сталинской теории скрепления в период до победы социализма в мировом масштабе.

При анализе языка народностей важно указать, что последнее в истории закрепление диалектного дробления происходит именно в эпоху феодализма, чему содействует прикрепление населения к определенным территориям. Образование государств с их атрибутами выдвигает потребность в едином письменном языке, что всячески поддерживает церковь, могучая сила средневековья. Одновременно следует показать всю несостоятельность пресловутой теории «особого классового языка» феодалов.

Переходя к языкам национальным, следует прежде всего разъяснить понятие нации и охарактеризовать эпоху складывания наций (И. В. Сталин, Марксизм и национальный вопрос, Соч., т. 2) и сразу же сказать о двух периодах в развитии наций: капиталистическом и социалистическом (И. В. Сталин, Национальный вопрос и ленинизм, Соч., т. 11, и И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания. «Ответ т. Холопову»). Нужно всячески подчеркнуть, что никакого «разрыва» или «взрыва» при складывании национального языка не бывает, в его основу кладется какой-нибудь наиболее сильный диалект или происходит концентрация диалектов, национальный язык обогащается также за счет литературных языков средневековья.

Студенты обязательно должны быть ознакомлены с известным высказыванием В. И. Ленина о требованиях к национальному языку, при этом особенно следует подчеркнуть отмеченные В. И. Лениным качества: «единство языка и беспрепятственное его развитие» (В. И. Ленин, О праве наций на самоопределение, Соч., т. 20).

Далее разъясняется роль литературы, печати, школы для выработки норм национальных литературных языков.

В эпоху развития национального языка происходит процесс перемалывания и растворения в нем диалектов, возникают всевозможные

²⁸ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 12.

²⁹ Там же, стр. 26.

³⁰ См. Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, главы «Греческий род» и «Ирокезский род».

жаргоны, а внутри самого литературного языка развиваются стили и жанровые особенности.

Новый этап в развитии наций и национальных языков начинается после победы социализма в одной стране. Культура меняется: буржуазные нации становятся социалистическими, но язык остается, потому что «...культура и язык — две разные вещи»³¹. «Ни для кого не составляет тайну тот факт, что русский язык так же хорошо обслуживал русский капитализм и русскую буржуазную культуру до Октябрьского переворота, как он обслуживает ныне социалистический строй и социалистическую культуру русского общества»³².

Вопрос о развитии национальных языков в период после победы социализма в одной стране следует рассматривать в свете положений И. В. Сталина, данных более двадцати лет назад.

При изложении особенностей развития национальных языков надо указать, что отличия диалектов от национального литературного языка пока еще будут сохраняться; что слияние наций и национальных культур в одно целое не может идти «путем декретирования сверху»: «Такая политика была бы равносильна политике ассимиляции»³³; что до победы социализма в мировом масштабе еще нет никаких предпосылок для слияния национальных языков, и даже после победы социализма в мировом масштабе пройдет длительный процесс образования зональных языков. И. В. Сталин пишет: «Здесь мы будем иметь дело не с двумя языками, из которых один терпит поражение, а другой выходит из борьбы победителем, а с сотнями национальных языков, из которых в результате длительного экономического, политического и культурного сотрудничества наций будут выделяться сначала наиболее обогащенные единые зональные языки, а потом зональные языки сольются в один общий международный язык, который, конечно, не будет ни немецким, ни русским, ни английским, а новым языком, вобравшим в себя лучшие элементы национальных и зональных языков»³⁴.

Заканчивая курс, еще и еще раз необходимо напомнить студентам, что, соприкасаясь со многими науками — философскими, историческими, даже естественными, языкознание не может быть сведено ни к логике, ни к психологии, ни к этнографии, ни к эстетике, как это не раз пытались делать буржуазные ученые. Нет, «...главной задачей языкознания является изучение внутренних законов развития языка..»³⁵; у языка есть свои особенности. «Эти особенности свойственны только языку, и именно потому, что они свойственны только языку, язык является объектом изучения самостоятельной науки, — языкознания»³⁶.

³¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 20.

³² Там же, стр. 8.

³³ И. В. Сталин, Национальный вопрос и ленинизм, Соч., т. 11, стр. 347.

³⁴ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 53—54.

³⁵ Там же, стр. 30.

³⁶ Там же, стр. 36.